

Елена Сазанович

Циркачка (киносценарий)

Елена Сазанович

Циркачка (киносценарий)

«Автор»

1998

Сазанович Е. И.

Циркачка (киносценарий) / Е. И. Сазанович — «Автор», 1998

«...Идет цирковое представление. Под куполом цирка выступает воздушная гимнастка, миниатюрная женщина-«змея», одетая в серебристое трико, укращенное матовыми золотистыми звездами. Циркачка исполняет сложнейшие трюки на вертикальном канате, тонком, почти незаметном. В таинственной полутиме, разрезаемой тремя разноцветными лучами, канат почти не виден, поэтому кажется, что женщина-змея запуталась в невидимой паутине, распустившейся под куполом цирка, и пытается выпутаться всеми немыслимыми способами. Внезапно она наконец-то «разрывает» паутину и... падает вниз...»

Содержание

Комната в квартире Николая	6
Прихожая	8
Улица. Весна. Вечер	9
Зал ресторана	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Сазанович

Циркачка

(Сценарий полнометражного художественного фильма)

Идет цирковое представление. Под куполом цирка выступает воздушная гимнастка, миниатюрная женщина-«змея», одетая в серебристое трико, украденное матовыми золотистыми звездами. Циркачка исполняет сложнейшие трюки на вертикальном канате, тонком, почти незаметном. В таинственной полутиме, разрезаемой тремя разноцветными лучами, канат почти не виден, поэтому кажется, что женщина-змея запуталась в невидимой паутине, распустившейся под куполом цирка, и пытается выпутаться всеми немыслимыми способами. Внезапно она наконец-то «разрывает» паутину и... падает вниз. Но это только кажется. В какое-то мгновение гимнастка хватается руками уже за горизонтально натянутый между двумя вышками канат. Теперь циркачка «крутиться» по горизонтали. Тут лучи высвечивают три трапеции, подвешенные последовательно недалеко от каната и две неподвижные рамки-ловиторки. В какое-то мгновение циркачка прыгает на левую ловиторку, секунду зависает там и прыгает на первую трапецию, делает сальто и перелетает на вторую, затем так же на третью и – в конце на правую ловиторку...

Во время исполнения номера постоянно звучит музыка. С самого начала выступления на экране идут титры.

Когда титры заканчиваются рамки экрана сужаются до размеров телевизора, где и продолжается показ выступления воздушной гимнастки...

Комната в квартире Николая

В комнате порядок и уют. Мягкая мебель в светлых тонах, аккуратно расставленная герань на подоконнике, пропорционально развешенные картины на стенах пастельных тонов. В центре комнаты – круглый стол. У стены – старый рояль.

В углу – трюмо с огромным зеркалом.

Слышна музыка из телевизора, по которому транслируется цирковое представление.

Напротив зеркала стоит НИКОЛАЙ, невысокий горбоносый черноволосый мужчина. Он старательно пытается завязать пестрый широкий галстук. Ему никак это не удается. Он вертит его в руках, пытаясь соорудить что-либо похожее на узел. Капельки пота выступают на его широком открытом лбу. Длинные пальцы то сжимаются, то расслабляются. Он нервно дергает за углы галстука и в сердцах сплевывает.

На телеэкране продолжается цирковое представление под музыку. Циркачка вновь перелетает с одной трапеции на другую, кувыркаясь в воздухе. Она прыгает к вертикальному канату и резко скользит ввысь, в темноту, прямо под купол. И вдруг, почти сразу же, из этой темноты (внезапно, резко, как раненая птица) падает вниз на арену.

Зал ахнул как один человек. Сразу же включился в свет.

Многие кричали: «Скорую! Скорую!..»

Многие выскочили прямо на арену.

Циркачка лежит, уткнувшись лицом в ковер, раскинув руки в разные стороны, в таком уже нелепом серебристом костюме змеи...

Последний кадр «замирает».

Появляется титр названия фильма:

«ЦИРКАЧКА».

Напротив телевизора в кресле сидит маленькая, белокурая пухленькая женщина ВАЛЯ и, утирая слезы, хрустит картофельными чипсами.

ВАЛЯ: Ой!.. Бедняжка... Ну, что же это такое! Прямо по телевизору! И так столько ужасов показывают каждый день! Но как мне их всех жалко!

Она встала с плюшевого дивана и выключила телевизор.

НИКОЛАЙ: (по-прежнему пытаясь завязать галстук): Кого?

ВАЛЯ: Ну, этих, артистов. Такие несчастные люди. Всегда хотят быть молодыми. А я сама читала, в журнале, ну в таком толстом, блестящем, что ей-то уже далеко за тридцать. И зачем было выглядеть на двадцать, если все равно – смерть. Какое имеет значение, если умрешь за тридцать, а выглядишь на двадцать. Кому это надо?

НИКОЛАЙ: Ты о ком, ВАЛЯ?

ВАЛЯ: Да так, ни о ком. Об одной артистке. Может, она даже подтяжку себе делала, хотя как подтянуть тело? Такое гибкое, легкое. (ВАЛЯ погладила себя по круглым бедрам и поправила завитые коротко стриженые волосы.)

НИКОЛАЙ: Ты у меня красавица, ВАЛЯ.

Он подошел к жене и потрепал ее по щеке.

ВАЛЯ: А я знаю... Но все равно их жалко. Они так зависят от людей, от сплетен, от своей красоты, которой когда-нибудь все равно не будет. Как ни крутись на этой арене. Не будет и все!

НИКОЛАЙ присел на диван, притянул Валю к себе и поцеловал в щеку.

ВАЛЯ: А я счастлива, что независима. Более того, думаю, что в старости буду чувствовать себя гораздо лучше. Ведь это так здорово, когда уже ничего не нужно бояться – ни морщин, ни полноты, ни вен, ни даже этого… этого желания, ну, влюбиться, что ли… Я ведь уже люблю… Если хочешь знать, меня даже угнетает, что я еще так молода! Просто обязана – против воли! – краситься, накручивать волосы, покупать наряды. А я так этого не хочу!.. И вот завтра мне опять придется тащиться в эту дурацкую парикмахерскую и делать эту дурацкую завивку… Ведь тебя тоже угнетает молодость, да? В ней так много лишнего! А сколько ошибок!

НИКОЛАЙ (перебивая): Ты никогда не ошибаешься, Валька! И за это я тебя люблю.

ВАЛЯ: Но ее все равно жалко.

ВАЛЯ громко хрустнула чипсом и запила топленым молоком.

НИКОЛАЙ: Кого?

ВАЛЯ: Ну, эту артистку. Которая всегда хотела оставаться молодой. И ей это даже удалось. А я согласна умереть старой. Надеюсь, и мне это удастся.

ВАЛЯ протянула перед собой пухлый ручки и кокетливо ими повертела.

НИКОЛАЙ: Да брось ты о ней… Все хорошо. А ты у меня всегда будешь красавица, даже без завивки, ну ее к черту!

ВАЛЯ: Ну, ты что! А что скажут про меня на работе, если я приду с лохматой головой. Меня просто не поймут… Вот и получается, что молодость – только обуз…

ВАЛЯ допивает кружку молока, и на ее пухлых губах остаются белые капельки. Она медленно и плавно опускается на мягкий диван. И так же медленно аккуратно проводит своими пухлыми пальчиками по спине и лицу мужа.

Двери скрипят, и появляется сияющая физиономия шестнадцатилетнего мальчишки Витьки. Его нос усыпан мелкими веснушками, а рыжие волосы торчат в разные стороны.

ВИТЬКА (хитро подмигивая, мычит): Ну-ну…

И тут же исчезает за дверью.

ВАЛЯ испуганно вскакивает и поправляет свой длинный атласный халат. Руки НИКОЛАЯ бесильно и вяло опускаются. Они переглядываются и облегченно хохочут.

ВАЛЯ (нежно гладит НИКОЛАЯ по плечу): В конце концов, это не последнее воскресенье в нашей жизни. Пусть хотя бы раз в полгода ты спокойно отдохнешь с друзьями, а не будешь торчать за своим дурацким роялем, развлекая этих обжор.

НИКОЛАЙ (вяло): Хотя бы… Хотя у меня никакого желания встречаться с друзьями. Я вообще терпеть не могу прошлого…

ВАЛЯ приближается к роялю и проводит по нему рукой.

ВАЛЯ: Кстати, а почему ты мне никогда не играл?

НИКОЛАЙ: Терпеть не могу музыку!

Он обнимает Валю за плечи.

Они выходят из комнаты.

Прихожая

НИКОЛАЙ берется за дверную ручку. Оглядывается и как можно веселее подмигивает ВАЛЕ. В ее глазах вдруг появляется испуг.

ВАЛЯ (всплеснув руками): О, Боже! Что ты сделал со своим галстуком! Это же неприлично!

Она проворно приводит галстук в надлежащий вид.

ВАЛЯ: Надо было меня позвать сразу, зачем ты так долго мучился?

НИКОЛАЙ: Спасибо, Валюша.

ВАЛЯ (с тревогой): Ты ведь вернешься, Коленька, как обычно?

НИКОЛАЙ: Да куда я денусь. На всей нашей огромной планете есть лишь одно место, куда я могу вернуться. И как всегда в одиннадцать.

ВАЛЯ: Ты так говоришь, словно вздыхаешь.

НИКОЛАЙ: Ну что ты, котенок. Я так говорю, потому что просто скорее хочу вернуться.

ВАЛЯ облегченно вздыхает.

ВАЛЯ: А я приготовлю картошечку по французскому рецепту, с сыром и чесноком, к тому же приправленную жюльеном. Тебе обязательно понравится. К тому же вечером по телику Сталонне. Он, конечно, так себе, но все же получше дешевеньких индийских фильмиков. Так? А еще я припасла к столу две золотистые узорные свечи. Это придает некоторый романтизм, правда? Тебе обязательно понравится.

НИКОЛАЙ: Обязательно, ВАЛЯ.

ВАЛЯ: Да еще, умоляю, не садись в троллейбусе, я так долго отутюживала твой плащ.

ВАЛЯ гладит пухлой ладошкой по плащу.

ВАЛЯ: Он уже старенький, но какое качество! Таких уже не достать!.. Не садись, Коленька, ну, пожалуйста! Да и подстричься тебе давно пора.

ВАЛЯ гладит НИКОЛАЯ по отросшим черным волосам.

ВАЛЯ: Хочешь, завтра вместе забежим в парикмахерскую, там у меня подружка работает, Светка, она и сделает тебе аккуратненькую стрижечку, почти как у Сталонне.

ВАЛЯ чмокает НИКОЛАЯ в щеку.

ВАЛЯ: Ну все, иди, и как всегда – до одиннадцати?

НИКОЛАЙ: Как всегда...

Улица. Весна. Вечер

Маленький дешевый ресторанчик на углу проспекта. Возле большого старого дуба.

НИКОЛАЙ приближается к дереву. Бережно прикасается к его усохшему стволу.

НИКОЛАЙ: Ничего, дружище, ты еще проживешь. Ты ведь так любишь покой. Наверно, как и я... Да и покойники не умирают.

Дуб прошумел на ветру корягами.

НИКОЛАЙ не торопясь подходит к ресторанчику. Лениво отворяет узорчатую тяжелую дверь. Входит. Дверь за ним медленно закрывается.

Зал ресторана

Ресторан скорее похож на забегаловку. Маленькие столики, за которыми сидят немногочисленные посетители. Они, размахивая руками, оживленно беседуют. Дым от сигарет повис в воздухе. Напротив пошарпанная сцена. Старенький рояль.

НИКОЛАЙ обводит взглядом зал. Мимо пробегают шустренские официантки с подносами. У крайнего столика сидит толстый неуклюжий очкарик. Он с жадностью что-то жует.

НИКОЛАЙ (громко кричит и машет рукой): ГРИШКА!

ГРИШКА вздрагивает и протирает очки с толстыми линзами.

НИКОЛАЙ подходит к нему.

НИКОЛАЙ (неестественно улыбаясь): Привет, ГРИШКА!

Он аккуратно складывает отутюженный плащ, осторожно перекидывает его через спинку третьего стула и разглаживает складки ладонью.

ГРИШКА (так же неестественно улыбается и не перестает жевать): Привет, Кольша! А знаешь, в твоем ресторанчике прескверно готовят. Как ты можешь только играть там, где понятия не имеют что такое еда!

НИКОЛАЙ подходит к Гришке и ощупывает его костюм в яркую полоску.

ГРИШКА (ГРИШКА привстал с места): В Англии приобрел. Вот черти! Все им удается! И главное – все у них удобно! Начиная от костюмов и заканчивая мостами! Это наши все выpendриваются.

НИКОЛАЙ: Ты о чем, ГРИШКА?

ГРИШКА: Просто я признаю свое поражение! Идеалист проклятый! (Гриша постучал себя по широкому лбу) Все твердил о каких-то невероятных проектах. Впрочем, скорее всего, я наконец-то повзросел. Высокий мост – это обязательно, когда по нему ездят или ходят. Мост – это сам по себе высота. И ничего не нужно придумывать лишнего. Ведь это всего лишь мост... Бывает достаточно посмотреть вверх или вниз, разве этого мало? Почувствовать риск и не рисковать.

НИКОЛАЙ: Я не понимаю, ГРИШКА.

ГРИШКА: Просто теперь я конструирую самые совершенные мосты. И даже получаю за это хорошие деньги. По моим мостам запросто шныряют машины и бегают пешеходы. И вряд ли у кого-нибудь из них возникнет желание риска. Они так спешат. Да и зачем всё это? Риск – это, скорее, удел бездельников и тупоголовых романтиков. Мы же далеко не такие. Так ведь?

НИКОЛАЙ: Но ведь у тебя все нормально, ГРИШКА?

ГРИШКА: Абсолютно! (Он проворно нанизал на вилку кусок ветчины и с удовольствием забросил ее в рот) – Я научился главному. Жизнь без риска гораздо безопаснее, гораздо логичнее, и главное – умнее. Мне нравится, очень нравится жить именно так. И именно так строить мосты. У меня хорошие получаются мосты.

В центр зала проходит ВЛАД – мужчина в мятых широких штанах и облезлых желтых ботинках. Он похож на потрепанного, постаревшего Маяковского. Черные круги под глазами, яркие морщины на лбу. Он резко останавливается и театрально взмахивает рукой:

ВЛАД (громко и с пафосом):

«На чешуе жестянной рыбы
Прочел я зовы новых губ.
А вы
Ноктюрн сыграть
Могли бы
На флейте водосточных труб?..»

Представительный мужчина с чопорной дамой за ближайшим столиком недоуменно перешептываются, с опаской поглядывая на Влада. Молодые отвязанные парни за другим столиком громко хохочут.

ВЛАД широким, размашистым шагом направляется к столику, где сидят НИКОЛАЙ и ГРИШКА.

ВЛАД: Салют, старики!

Он шумно усаживается. Делает неровное движение рукой, задевая бокал. Тут же проливает вино на свои широкие пожеванные штаны. Видно, что он пьян.

ВЛАД (ругается): Собака! (он дрожащей рукой тщательно трет пятно, оно еще больше чернеет и расплывается).

ВЛАД безнадежно машет рукой и хохочет пьяным смехом, демонстрируя свои ровные, но уже далеко не белые зубы.

ВЛАД пьяно подмигивает Николаю, развязно развалившись на стуле, где висит его плащ. Он небрежно забрасывает ногу за ногу, и дрожащими руками закуривает папиросу.

НИКОЛАЙ вскакивает, как ошпаренный.

НИКОЛАЙ: Уберись с этого места, скотина!

Друзья непонимающие уставились на НИКОЛАЯ.

НИКОЛАЙ: Я же сказал, пошел вон! Вон сколько свободных стульев, так нет, ему обязательно нужно бухнуться именно сюда, еще с этой чертовой папиросой!

НИКОЛАЙ подскакивает к Владу, силой наклоняет его спину вперед и аккуратно, насколько это возможно, вытаскивает свой плащ.

НИКОЛАЙ: Все равно помял, сволочь! Еще хорошо, что не прожег сигаретой!

НИКОЛАЙ тщательно гладит плащ рукой, встряхивает его, даже нюхает.

НИКОЛАЙ: Фу, уже насквозь пропах спиртом. Что скажет, ВАЛЯ?.. Ох, как ты меня достал, ВЛАД!

ВЛАД(кривит свой прямой, почти греческий нос): Всего лишь спиртом? Радовался бы, что не духами.

Официант Петя мгновенно появляется возле столика.

Петя: Что-нибудь не так, НИКОЛАЙ?

НИКОЛАЙ молча протягивает ему плащ.

Петя понимающее кивает и скрывается в подсобке.

ВЛАД внимательно разглядывает НИКОЛАЯ. Его большой рот кривится в снисходительной усмешке. Он вновь выпивает.

ГРИШКА (нравоучительно, нанизав кусок ветчины): А вот в Англии так не пьют, ВЛАД!

ВЛАД: И столько не жрут!

НИКОЛАЙ: Что-то давно тебя не встречал по ящику. Куда ты спрятался, дружище? Ты же делал гениальные репортажи! Женщины при одном твоем виде падали в обморок. Ну, чем не старина Маяковский!

ВЛАД кисло усмехнулся и опустил голову вниз, вытянув длинные ноги.

ВЛАД: От Маяковского остались разве что желтые ботинки. К тому же я его уже по возрасту перерос. Но и век желтых ботинок уже того, тоже, похоже, заканчивается. Мой закончился раньше. Ты же сам прекрасно знаешь, что показывают сейчас по телеку – ужасы и нездоровые страсти. А я человек добрый, к тому же созидатель. И вообще. Если честно, то рожей вышел. Нынче в почете другие рожи. В общем, не вписался в узкие рамки голубого экрана. Впрочем, наверно, и жизни.

ГРИШКА смущенно протирает свои новые золотистые очки, совершенно нелепые и безвкусные:

ГРИШКА: Ну, зачем ты так, ВЛАД. Ты ведь еще так молод.

ВЛАД: Все мы более-менее молоды. И от этого становится более тошно. Когда еще относительно молод, но нет уже никакого желания покорить этот мир. Потому что он уже давно не наш. И остается разве что покориться ему. Я покорился. И вы знаете, мне это далось не так уж напряжно. Так что не смеяйте меня жалеть!

ВЛАД стукнул кулаком по столу, бокалы и тарелки задребезжали.

ГРИШКА осторожно пожал его локоть:

ГРИШКА: Не нужно, ВЛАД. Мы ведь там же, где и ты. И это тоже наш мир. Хотим мы или нет.

ВЛАД берет дрожащей рукой бокал и залпом выпивает, капли вина стекают по его небритому подбородку. И в глазах появляются пьяные слезы.

ВЛАД (нервно хохочет): А всё ведь не так уж и дурно, старики! Зря вы так расклеились. Я вполне доволен своей жизнью. И ни на какую другую ее не променяю! Ни на Голливуд! Ни на наше родное ТиВи! И ни на один самый модный блестящий журналишко!

НИКОЛАЙ: Если ты не в Голливуде и не в нашей прессе, тогда где, ВЛАД?

ВЛАД: У меня прекрасная, замечательная, великолепная работа! И я ею горжусь! Ей-Богу! (Он стучит кулаком по своей широкой груди). Я работаю в одной маленькой газетке, «Тетушкины рецепты» называется. И даже веду рубрику о борьбе с пьянством, в которой есть очень ценные советы избавления от зеленого змия! Усекаете, старики! Знаете, сколько я советов придумал! Правда, сам ни одним из них не воспользовался. Зато знаете, сколько я спас человеческих судеб! А письма! Вы бы читали эти письма – от детей, жен, бывших алкоголиков! Нет, можно просто разрыдаться! Лучше цитировать не буду, а то нервы не выдержат. Здесь только может помочь...(он вновь осушает бокал вина). Главное, старики, они вылечиваются! И все благодаря мне!

ГРИШКА (смузено кряхтит): Но это... Как бы это... Ты ведь сам... Ты же сам, ВЛАД...

ВЛАД: Ты хочешь сказать, что я болен! Ну и прекрасно! А какое это имеет значение! Разве больной врач не может вылечить своего пациента! А священник! Самые лучшие священники те, кто прошли не самый благородный путь. И только поэтому способны помочь. Поверьте, парни, чистюли никогда еще не могли помочь другим. Чистюли способны лишь презирать или жалеть. А этого так мало, чтобы лечить. Бойтесь чистюль. И не доверяйте им! Ни священникам, ни врачам, ни поэтам! Это я вам заявляю, как бывший поэт и чуть-чуть священник, и немного врача, прошагавший не самую безгрешную жизнь.

Внезапно на маленькой сцене появляется конферансье в позолоченном костюме и с пафосом объявляет:

КОНФЕРАНСЬЕ: А сейчас вы услышите наш коронный номер. Его исполняет женщина-вамп, соблазнительница всех мужских сердец, секс-символ года и вечности, города и вселенной. Все мужчины валяются в ее ногах и со всеми она готова сотворить все, что угодно. Великолепная Виктория! Она исполнит песню «Любовь». Она исполнит то, что принадлежит ей по-праву и в чем она разбирается лучше всего. Кто из вас может похвастаться этим?!

На сцене появляется ВИКА. В нарочито вульгарном открытом серебряном платье, с красной розой в черных волосах. Вызывающие огромные серьги из фальшивого золота звенят в такт ее движениям.

ВИКА (поет низким хрипловатым голосом): Любо-о-овь! Лю-ю-ю-бовь! Где ты, лю-бо-о-вь!..

ГРИШКА от смущения опять трет свои очки, стараясь не смотреть на Вику.

ВЛАД проглатывает очередной бокал вина, проливая часть на рубашку.

НИКОЛАЙ бессмысленным взглядом смотрит на маленькую сцену с продавленными досками и потрескавшейся краской.

ВИКА, выплеснув все чувства наружу, развязно покачивая крупными бедрами, направляется к ним.

ГРИШКА: ВИКА! Как ты сегодня прекрасно выглядишь, ВИКА!

НИКОЛАЙ: Ах, какая замечательная песня, ВИКА!

ВЛАД: Ну, разве ты не Эдит Пиаф! Нет, ты гораздо лучше...

ВИКА недоверчиво смотрит на них. Пожимает плечами. Усаживается. Закуривает и томно поводит оголенными плечами.

ВИКА: Как я рада, что мы опять вместе, мальчики! Вы тоже помолодели и посвежели. Словно время и не коснулось вас.

Друзья недоверчиво переглядываются.

ВЛАД: Тебя оно тоже не коснулось, ну ни капельки, ВИКА.

ВИКА: Еще бы! Время теперь работает только на меня! И еще платит за это. Авансы раздает налево и направо. У меня, пожалуй, даже в молодости не было столько поклонников. А теперь... Ну, просто отбоя нет! Как они меня достали(притворно вздыхает). И все норовят заманить меня в золотую клетку. Один даже на день рождения мерс подарили. А я отказалась. Вот так! Я не продаюсь! Для меня главное, знаете что? Ну же...

ВСЕ (хором, как заученный текст): Любовь, ВИКА. Любовь!

ВИКА: Какие вы догадливые, мальчишки! Но, видимо, еще не нашелся такой счастливчик, а, может, вовсе еще не родился. Вы же знаете, я люблю ребят помоложе. Но от удовольствий, пока он родится, я не собираюсь отказываться. Вы же знаете, любовь любовью, но чувства должны быть всегда. Быть и все тут, даже без любви. Вот и приходится перебиваться, чем попало.

Мимо столика медленно прошелся пьяный толстый мужик. ВИКА кокетливо ему подмигнула и «нечаянно» задела его рукой. Но он только шарахнулся в сторону.

ВИКА: Пойду, переоденусь! Видите, они боятся моего шика. Мужики так стыдливы, как дети!

ВИКА скрывается в подсобке.

Приближается официант Петя, попеременно оглядываясь на развязно удаляющуюся певичку.

ПЕТЯ (вздыхает): Так ее жалко. И зачем ей это, эти вечные сказки про любовные приключения, последнее из которых было лет сто назад. Она же ведет почти монашескую жизнь. Но в монашестве ей не везет тоже. Монахам по статусу не положено. Если бы она хоть изменила свой имидж, может все бы пошло по-другому.

ВЛАД (смеется): Вряд ли! Никуда бы ничего не пошло. Она ведь и впрямь ждет такого простого, такого ясного, такого легкого – просто любовь. А этого не бывает. Так пусть будет хоть имидж. Он скрашивается ее жизнь. И он даже позволяет ей поверить в то, во что уже никто никогда не поверит.

ВИКА, переодевшаяся в не менее вульгарное, только совсем короткое платье, в высоченных красных сапогах на шпильках, вновь направляется к нам. Пытаясь тащить за собой толстого лысого полупьяного мужика. И даже умудрялась шептать ему на ухо томные словечки. Но он ловко увертывался, оглядываясь назад в поисках защиты от надоевшей бабенки. Наконец ему удалось схватить за руку смазливую барышню с волосами, прожженными перекисью, и закружить ее в танце.

ВИКА, такая нелепая, в сверхкоротком платье и ярко красных сапогах на шпильках, смущенно стоит одна посреди зала. Но тут же гордо встρяхивает головой и решительным шагом направляется к нам, демонстративно стуча на весь зал каблуками.

ВИКА: Достал уже!(она закуривает сигарету, забросив ногу за ногу). Всё пристает, не дает проходу. Тоже мне поклонник нашелся. Да видела я таких сердцеедов! Они уже вот где! (ВИКА проводит рукой по шее.) – Слава богу, смогла от него отцепиться! Не хватало, потащил бы еще в свой особняк. На черта мне это нужно!

ВЛАД бережно проводит широкой ладонью по морщинистой шее Вики.

ВЛАД (заплетающимся языком): А знаешь, девочка. Ну, ты-то знаешь. Я много встречал женщин. Они были такие разные. И добрые были, и стервы попадались, и навязчивых навалом, хотя и душевных было не мало. Но... Знаешь, ВИКА...

ВИКА (смотрит на него густо накрашенными глазами. И в ее глазах грусть.): Да, ВЛАД, я знаю всё про твоих женщин.

ВЛАД (вдруг целует ей руки и опускает голову на ее коленки в ажурных чулках.): Но, знаешь, Викочка... Клянусь всеми богами, которые есть и которые еще будут, ты... ты самый чистый человечек из всех. Самый. Может, и впрямь судьба ошиблась, что не свела нас вместе.

ВИКА (гладит его как маленького по потным слипшимся волосам): Успокойся, Владик. Судьбы не ошибаются. Может быть, только люди. Но, поверь, мы не ошиблись тоже. Спасибо тебе, Владик.

ВЛАД: Если бы я мог (он беспомощно озирается), я сейчас бы упал перед тобой на колени и снял перед тобой шляпу. Единственное, что я еще в силах для тебя сделать. Но я даже этого не могу. У меня просто нет шляпы. А ноги меня просто не держат... Кольша, у тебя есть такой замечательный плащ. Твоя жена наверно прекрасно утюжит. Она тебе носки и трусы тоже утюжит?.. Кольша, ну, выручай, у тебя обязательно должна быть шляпа. Плащ без шляпы – это какой-то фарс, балаган, цирк!

При слове цирк все внимательно смотрят на НИКОЛАЯ. Лицо НИКОЛАЯ каменное.

НИКОЛАЙ (цедит сквозь зубы): Его нужно увезти. И немедленно!

ГРИШКА встает и пытается взять Влада под руки.

Тот ловко увертывается, хотя сильно пьян.

ВЛАД: Эге-гей! Куда еще увести! Такой дождина на улице. Кольша, а Кольша, соверши свой последний геройский поступок в жизни. Отдолжи мне свой плащ. Я его верну, ей-богу, верну! И даже попробую отутюжить. Хоть у меня нет такой прекрасной жены. Но я все равно попробую!

НИКОЛАЙ: Нет, ВЛАД! Тебе теперь все равно дождь или снег. Ты все равно весь мокрый.

ВЛАД оглядывает себя с ног до головы.

ВЛАД: Ну да... ну, конечно... ну, безусловно... Мне все равно. Мне давно все равно.

ВЛАД, шатаясь, поднимается с места и озирает мутным взглядом зал.

ВЛАД (кричит густым басом): Граждане! Дорогие мои любимые граждане! Ну, одолжите мне на пять минут хотя бы шляпу. Только для того, чтобы снять ее перед женщиной. Это вопрос чести! И жизни, если хотите. Это единственное, что я могу для нее сделать. Это же так мало, что я могу!

ВИКА обнимает Влада за шею, гладит его, успокаивает. Но Влада остановить уже невозможно.

Он решительно подходит к столику, где сидит чопорная семья и протягивает руки.

ВЛАД (театрально кланяясь): Только шляпу.

Краснощекий мужик тут же прячет вязаную шапочку, лежащую на краю стола, за спину, а затем передает жене, которая прячет ее в сумку.

ВЛАД неумолим. Он приближается к молодым ребятам в бейсболках из кожи, протягивая руки.

Они хохочут, издеваются над ним, машут перед его носом кепками и перебрасывают их друг другу. ВЛАД пытается поймать хотя бы одну, но у него не получается, и он падает на колени.

ВЛАД и ГРИШКА смотрят со стороны на это жалкое зрелище, которое устроил их лучший товарищ.

Какой-то пожилой мужик с военной заправкой подходит к Владу, смущенно кашляет.

БЫВШИЙ ВОЕННЫЙ: Послушай, браток. Я бы обязательно дал, нет, черт побери, пода-
рил тебе эту дурацкую шляпу. Но не ношу я их, черт побери. Только фуражку. А сейчас я не
в форме... Может, попробовать так, как мы в детстве делали...

Он вытаскивает из кармана сложенную вечернюю газету и сооружает из нее пилотку.

БЫВШИЙ ВОЕННЫЙ: Знаешь, она получше любой шляпы будет. И девушка твоя оце-
нит по-настоящему. Она ведь настоящая девушка, так ведь?

В глазах Влада мелькнули слезы. Он надел бумажную пилотку на свою седеющую шеве-
люру и со всей силы затряс руку военному в штатском.

ВЛАД: Я этого никогда не забуду. Ты... Ты, в общем... Ты – тоже настоящий. Живой...
А они...

Он безнадежно машет рукой в сторону зала. И, шатаясь, направляется к столику, где
сидят его друзья.

Шаркнув ногой, он становится перед Викой не колени. На его голове – нелепая шляпа
из газеты.

ВЛАД (преувеличенно, с пафосом): Знаешь, Викочка, эта шляпа волшебна. Это тебе – ни
какие-нибудь безмолвные фабричные фетровки. В этой шляпе помещается целый мир. Здесь
взрываются бомбы и погибают солдаты. Здесь рыдают их вдовы и матери. Здесь голодают, сго-
рают в пожарах и разбиваются на самолетах. Здесь продают девочек и дипломатично обнима-
ются с врагами. В конце концов, здесь даже можно прочитать, что завтра снова пойдет дождь.
Просто пойдет дождь, даже когда всё уже будет разрушено. Дожди идут всегда... Я снимаю
перед тобой эту шляпу... Нет, я снимаю перед тобой целый мир. И дарю его тебе. Только захо-
чешь ли ты такого мира? Если из всего хорошего можно выбрать лишь дождь.

ВИКА потрясена. Она плачет. И черная тушь растекается по ее разрумяненному, напуд-
ренному лицу.

ВИКА: Знаешь, **ВЛАД**, ты единственный мужчина, которого можно еще любить.

ВЛАД: Может быть, Викуша, может быть. Но я уже от любил. И единственная женщина,
самая дорогая и самая бесценная это... (он высоко поднимает бутылку вина). То же совершен-
ство, та же тонкая шея и стройная талия. И округлые бедра. Но главное... Главное – в ней
столько страсти и понимания. Главное, что она на все вопросы дает правильные ответы, так их
ни разу не спрашивая. С ней легко, **ВИКА**. С ней очень легко. А я больше не хочу мучаться.
Пусть мир мучается без меня.

ВИКА: Ты прав, **ВЛАД**, мне ли тягаться с таким совершенством.

ВИКА снимает с Влада газетную шляпу, разглядывает ее. Разворачивает газету, читает.
И внезапно бледность покрывает ее постаревшее лицо. Ее руки слегка трясутся. Ее губы в
ярко красной помаде дрожат.

ВИКА (бормочет): А впрочем, этим и должно было все закончиться.

Друзья переглядываются.

ГРИШКА: Ты о чем, **ВИКА**?

ВИКА пожимает плечами и почему-то особенно внимательно разглядывает **НИКОЛАЯ**.

ВЛАД: Ты о чем, **ВИКА**?

Он выхватывает газету из рук Вики, вертит ее, даженюхает и пробует на вкус.

ВЛАД: По-прежнему, всего лишь обрывки нашего грязного мира. Так же пахнущие гарью
и водкой, и такие же горькие на вкус, как и типографский шрифт.

ГРИШКА осторожно забирает газету и сквозь очки внимательно ее изучает. И его взгляд
становится неподвижным. И очки сползают на толстый нос. Он читает вслух дрожащим голо-
сом:

ГРИШКА: «Сегодня погибла известная воздушная гимнастка Капитолина Стрельни-
кова, выполняющая сложные акробатические номера под куполом цирка. Она провела на арене
около 25 лет».

НИКОЛАЙ тупо уставился на газету. ГРИШКА протянул ему статью, но тот отклонил его руку:

НИКОЛАЙ: М-да, жаль. Она действительно была хорошей циркачкой.

На него уставились, как на бесчувственного чурбана.

ВИКА(скривив ярко накрашенные губы): И это всё?

НИКОЛАЙ не выдержал и аккуратно носовым платком вытер у нее на лице губную помаду, размазанную за контуром губ.

ВЛАД: И это всё, ПАГАНИНИ?

Все недоуменно переглянулись.

ГРИШКА (стукнув себя по лбу): А ты ведь и впрямь был ПАГАНИНИ.

ВИКА: Ну, конечно, конечно! Как же мы забыли!

ВИКА оживилась, встряхнула НИКОЛАЯ за плечи.

НИКОЛАЙ: Вы ошибаетесь, старики. Николо ПАГАНИНИ – это знаменитый итальянский скрипач и композитор. Один из основоположников музыкального романтизма. Блестящий виртуоз. Вы, видимо, плохо разбираетесь в истории музыки... А я всего лишь пианист, поигрывающий вечерами в этом ресторанчике дешевенькие мелодии и получающий за это деньги. Иногда выпадают неплохие чаевые. Я даже никогда не был в Италии и, наверное, уже не буду. А от ПАГАНИНИ у меня осталось лишь имя. Но гораздо проще, чем Николо. Меня зовут просто Коля, нет, Кольша, вот, пожалуй, и все. (НИКОЛАЙ театрально поклонился).

ВЛАД (скривившись): Спасибо за музыкальную грамоту. Я и понятия не имел о таком музыканте. Впрочем, он действительно в прошлом.

ВИКА (почти плача): И это всё, что ты хочешь сказать? И это... Это всё?

НИКОЛАЙ: Ну, всегда жаль, когда несвоевременно умирают. Не каждый добровольно полезет под купол цирка, да еще без страховки. Она сама так захотела. И при чем тут мы?.. Ты, ГРИШКА, не станешь же прыгать с моста. И ты, ВЛАД, пить не бросишь, потому что живешь только благодаря тому, что каждый вечер надираешься, как свинья. Да и ты, ВИКА, вряд ли пошлешь к черту обшарпанную сцену и станешь торговать фруктами на базаре, где, кстати, можно запросто познакомиться с каким-нибудь приличным грузчиком. Так что... Воздушные полеты – по желанию. Это же не по приказу. Это всего лишь прихоть одной циркачки. Я, как и вы, вряд ли полезу куда-нибудь без страховки... У меня, кстати, всегда при себе страховой полис.

Друзья сидели, опустив головы, и демонстративно не смотрели в сторону НИКОЛАЯ.

ГРИШКА: Она любила гулять по моим мостам. Она считала, как и я когда-то, что мосты – это тоже риск. Иначе, зачем их вообще строить.

НИКОЛАЙ: Это неудивительно. Циркачи, особенно циркачки не боятся риска. Я, старик, не циркач, так что извини. И не ПАГАНИНИ я тоже. Так что, извини вдвойне. (Пытается хлопнуть Гришку по плечу).

ГРИШКА уклонился от хлопка. И тяжело поднялся. Поправил свои безвкусные золотые очки. Почексал лысину.

ГРИШКА (неуверенно): Ну я пошел. Мне пора. У меня еще куча дел. Заказали новый проект.

ВЛАД попытался вскочить с места, но ему о легкости оставилось только мечтать. Он опрокинул стул и стал суетливо засовывать в сумку все, что лежало на столе: пустые пачки сигарет, кошелек, салфетки. На ходу глотая бутерброды и запивая пивом. Пиво стекало по его небритому подбородку. Надел даже Гришкин пиджак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.